

...Звонит Брежнев в Америку. Соединяют его с Рокфеллером.
 — Я у телефона, — говорит Рокфеллер.
 Брежнев не слышит, снова просит:
 — Соедините меня с Рокфеллером!
 — Слушаю вас, господин Брежнев! Это я — Рокфеллер.
 — Извини, не узнал, богатым будешь...
 Это анекдот. А теперь был из жизни Ильи Сергеевича:
 — Приглашают меня на правительственную дачу и говорят:
 — Так, утром пойдем по грибы. Потом — чудная рыбалка! На
 обед зажарим барашка. Посмотрим футбол: "Спартак" — "Торпе-
 до". Вечером — рюмашечка, баночка...

А я ненавижу собирать грибы, сидеть с удочкой! Смотреть фут-
 бол! Пить водку! Париться в бане! Меня из сауны однажды в
 Крыму Кобзон на себе выносил. Они с Юлианом Семеновым
 надели на голову шерстяные шапки и стали стегать себя веника-
 ми, — а мне дурно от жары!
 Это запись того дня, когда состоялся ректорский обход в Ака-
 демии живописи на Мясницкой. Глазунов часов пять ходил неуто-
 мимо по этажам, где выставлены были полотна студентов всех
 курсов. После просмотра разговор продолжился в приемной, за
 чашкой чая...

У него свои пристрастия, привязанности, — никому никогда не
 удавалось принудить его делать то, что ему не по душе. Потому что,
 на мой взгляд, Глазунов как личность, как художник олицетворяет то,
 что называют абсолютной свободой. Этой данностью дорожит, как
 зеницей ока, не позволяет посягнуть на нее, рвет отношения с лю-
 бым, кто не понимает этой особенности его характера.

— Карл Маркс провозгласил, и большевики нам долго внуша-
 ли: свобода есть осознанная необходимость. Нет, я это не при-
 знаю. Наша великая государыня Екатерина Вторая, русская импе-

— У нас большая победа!
 — У кого "у нас"?
 — У русских!
 — Что за победа?
 — Мой памятник утвердили!..
 — Рвется на каждом квадратном километре России устано-
 вить свой памятник, который в академии не прошел бы даже как
 дипломная работа. Ему мастерскую дали, студентов. Он их бро-
 сил! Не верю, что любит Россию. Себя любит, родимого!

А ярый индивидуалист Глазунов не бросает студентов, добыва-
 ет краски, холсты, белье для общежития, практику в Питер и
 поездки за границу, хотя познал, что значит предательство
 учеников. Да, на академии время у Ильи Сергеевича есть, хотя
 сам, в 65 лет, жаждет писать картины и портреты каждый день. В
 его планах — сто новых работ, не считая тех, которые приходится
 делать срочно, исполняя портреты людей, способных платить. Ес-
 ли когда-нибудь все эти портреты соберут вместе, то им мало бу-
 дет нескольких стен, которых хватило Левицкому и Боровиковско-
 му, выставленных в новых стенах Третьяковской галереи.

Вот еще две истории, приливающие свет на вопрос: почему
 всемирно известный живописец достоин чести быть членом Испа-
 нской королевской академии изящных искусств Сан-Фернандо
 и Каталонской королевской академии изящных искусств Сан-Хосе,
 но остается за бортом нашей академии, прозябающей на
 Пречистенке?

...Когда на очередных выборах в Академию художеств в Мос-
 кве обсуждалась кандидатура Глазунова, встал с места Герой
 Соцтруда, лауреат всех мыслимых премий, народный художник
 СССР, утяжеливший землю монументами классиков марксизма-
 ленинизма, и дал кандидатуре претендента решительный отлуп,

ее на Западе, опираясь на вымыслы диссидентов, некий Джон
 Баррон. На него Илья Глазунов подал в западногерманский суд. И
 выиграл дело! То был первый случай, когда советский гражданин
 обратился за восстановлением поправной справедливости в бур-
 жуазный суд, и тот присудил 60 тысяч марок в пользу истца.

Недавнее открытие в Москве Всероссийской академии живо-
 писи, ваяния и зодчества прошло без особого внимания средств
 массовой информации. Но часто ли — даже в таком городе, как
 Москва, — открываются высшие художественные учебные заведе-
 ния? Раз в сто лет. Это большое, историческое событие, — ему мы
 обязаны Глазунову.

На недавнюю выставку в Манеж, где экспонировались карти-
 ны преподавателей и студентов академии, все журналисты устре-
 мились только тогда, когда наведался туда президент Ельцин и
 мэр Лужков.

— Ходил Борис Николаевич по выставке с ребятами. Они по-
 казывали ему свои работы. У картины Ивана Глазунова "Суд Пила-
 та" остановился президент и сказал, глядя на Христа:

— И меня предали, как его.
 — А что написали газеты? Глазунов сказал президенту, что
 Прибалтику нужно давить танками?

После этого записал я еще два, быть может, старых, но мне не-
 ведомых, анекдота. Глядя на картину, неудачную по компози-
 ции, где главным герой предстал как-то понижено, не там,
 где надлежало ему быть по всем правилам классицизма, Илья
 Сергеевич, чтобы его мысль лучше усвоили, рассказал:

— Представил художник картину, посвященную Ленину. Ильи-
 ча на ней нет. В центре стоят и беседуют Надежда Константинов-
 на и Троцкий.

— Где же Ленин? — спрашивают у автора.

Анекдоты и были от ГЛАЗУНОВА

ХУДОЖНИК ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Моск. Комсомолец - 1995 - 10 июня - с 2

В память автора знаменитых рисунков,
портретов, картин, декораций, архитек-
турных проектов Ильи Глазунова, кото-
рому исполняется 65 лет, хранится мно-
жество анекдотов.

Он не из тех, кто их записывает. Он держит их
в голове и разбрасывает перед слушателями
горстями, разыгрывает, как артист, везде,
где ему приходится говорить: дома, в мастерской,
Академии живописи...

— А Ленин в Польше!
У картины, написанной студентом в преддипломной горячке,
как оказалось, всего за несколько дней, ректор рассказал еще
один анекдот на тему о цейтноте.

Инструктор учил начинающего парашютиста:
— Сначала дерни за кольцо основной парашют.
— А если он не распухнет?
— Тогда тяни за кольцо запасной.
— А если запасной не раскроется?
— Тогда, если успеешь, дерни себя за...

На этом предлоге профессор остановился, дав каждому по-
работать дальше воображением.

Рядом с ним ходил по залам председатель государственной
комиссии, маститый академик живописи, которому предстояло
подписывать дипломы художникам. Мне показалось, что ему нра-
вится не только анекдоты Ильи Сергеевича, но и картины студен-
тов. (Я не ошибся. Через несколько дней десять художников бле-
стяще защитили дипломы, семеро из них — с оценкой "отлично".)
...Пересказываю анекдоты и были, пытаюсь таким нетрадици-
онным способом отвлечь написание на художника оскорбитель-
ные, незаслуженные эпитеты. Парадокс! Будучи бесспорно дав-
ним диссидентом, сделал так много для разрушения тоталитариз-
ма вообще и социализма в частности, Илья Глазунов не только
выпал из круга противников советской власти и коммунизма, но и
заслужил наклейку — "конъюнктурщика".

Почему? Может быть, потому, что никогда не допускал даже
мысли об эмиграции. Забыли сегодня многие, что его годами не
выставляли, закрывали экспозиции, снимали со стен картины, как
это случилось на Кузнецком мосту с бесстрашной "Мистерией XX
века", впервые — в 1977 году! — представившей Ильича на холсте
кровавым тираном, а Николая II — жертвой. Написал Глазунов на
том холсте — в образе праведника — Александра Солженицына.
За эту беспощадную к системе, к марксизму-ленинизму картину
хотели автора выслать за пределы СССР. Но тогда, наученная
горьким опытом, Старая площадь не захотела в его лице занять
за границей еще одного сокрушителя — художника с мировым
именем.

Есть еще одна причина выпадения из круга борцов с рухнувшей
властью. Диссиденты-художники, представители авангарда —
течения, чуждого Глазунову, — завидовали его славе, заслу-
женной без особого содействия зарубежных средств массовой
информации. С этими людьми, как и он, преследуемыми, Илья
Сергеевич не сближался, будучи воинственным реалистом класси-
ческого направления. Жил всегда своей жизнью — не в группе, не
в партии, не подчиняясь никаким стереотипам поведения: ни ком-
мунистов, ни диссидентов. Подобно другим мастерам культуры,
самым известным, не покинувшим СССР, ездил на стройки комму-
низма, в дальние страны, сражавшиеся с империализмом совет-
ским оружием. Но осанку партии не пел. "Коммунисты, вперед!" —
не восклицал. В КПСС, куда звали, не вступал. За портреты Бре-
нева и Суллова сегодняшние правдолюбцы и отчаянные смельча-
ки художника осуждают, как прочих шестидесятников — за пре-
жние компромиссы с системой. Как эти портреты появились на свет
— в "МК" я уже рассказывал. Что было — то было.

— Но если мы говорим серьезно, то что мы меняем? — гово-
рил Глазунов. — Крышу или фундамент?.. Чтобы изменить фунда-
мент, НАДО ОТМЕНИТЬ МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ и т. д.

Мог ли сказать такие решительные слова зарубежным кор-
респондентам тогда хоть один из тех, кто себя называл прорабом
перестройки?

Глазунов всегда бежал впереди паровоза, лез поперец бать-
ки в пекло, к черту на рожон, рассказывая по пути в ад анекдоты
и всякие истории, часть из которых я в меру моих сил сегодня вос-
произвожу.

— Свою я буду смотреть на всех оттуда, — пообещал он всем
собравшимся у него в академии накануне дня рождения, указав
пальцем на небо.

Не спешите туда, господин Глазунов, — вы очень нужны на
земле...

С днем рождения!..

Лев КОЛОДНЫЙ.

охарактеризовав его творчество как "антисоветское", что было
верно, и "антисемитское", что было ложью. На каком основании?
На своей известной картине "Мистерия XX века" Глазунов изобразил
(в 1977 году) — в числе прочих — израильских лидеров Голду
Меир и Моше Даяна. Представил среди других плакатов XX века
один юдофобский, сфабрикованный фашистами, поместив его ря-
дом с плакатами ленинских и сталинских времен. Это и дало по-
вод навесить на него ярлык антисемита.

Что было дальше? С этим академиком не согласился другой
герой и лауреат, обратившийся к высокому собранию с речью:
— Я старый еврей, коммунист и интернационалист, много лет
состою в партии Ленина. Нет, товарищи! Глазунов — не антисе-
мит, он — ярый сионист! Я видел оформленные им спектакли Ев-
рейского театра на Таганке — так написать мог только сионист.
Через него действует сионистское подполье!

Вот это да! Между прочим, главным художником маленького,
бедного, гонимого еврейского театра Глазунов стал тогда, когда
не было моды ездить в Израиль, когда даже говорить-то об этом
государстве не поощрялось. Постучали однажды к нему в дверь
двое незнакомых мужчин и представились: "Мы жиды, мы из ев-
рейского театра, — помогите!" Одним из них был главный режис-
сер Шерлинг. Глазунова давно интересовали Палестина, Иерусалим
— и как художника, и как историка: библейские, древнееврей-
ские образы жили в его душе, а тема, предложенная для исполне-
ния, была ему близка. Вот почему художник не отказал в помощи,
практически безвозмездной. Он не только делал эскизы декора-
ций — сам их писал. Ездил с еврейскими артистами в Биробид-
жан, на Дальний Восток, — а когда в пути декорации были повре-
ждены, то за ночь написал новые! Если их не утратили, то я уве-
рен: эти декорации выставят когда-нибудь в музее, как сейчас вы-
ставили давние витиебские декорации Шагала. Мог ли в роли глав-
ного художника еврейского театра несколько лет служить, дружить
с артистами антисемит?

Т аким вот образом остался Илья Сергеевич за бортом Акаде-
мии художеств на Пречистенке, где и пребывает по сей день,
не особенно печалься. Потому что успел за время, минувшее
со дня того давнего голосования, создать Академию живописи на
Мясницкой, где учится около 250 студентов. Нетрудно подсчи-
тать, что через несколько лет дипломников академии будут тыся-
чи.

В богатой коллекции Глазунова — клейма и ярлыки один дру-
гого чернее. Есть среди них знак "черносотенца". По этой причи-
не задержалось учреждение академии на Мясницкой. Требовалась
аудитория у главного идеолога партии, члена Политбюро ЦК КПСС
Александра Яковлева, который должен был наложить резолюцию
на документе. Шли дни, а звонка со Старой площади не было.
Причину задержки Яковлев объяснил, когда долгожданная встреча
состоялась:

— Я долго не принимал вас, Илья Сергеевич, потому, что по
имевшейся у меня информации считал вас чуть ли не основателем
черносотенного общества "Память". Попросил Комитет государ-
ственной безопасности навести справки, проверить, действительно
ли вы, как в Москве говорят, связаны с этой "Памятью". Справки
навели, и мне сказали, что разговоры об этом не имеют под со-
бой основания.

Что Глазунов есть агент КГБ — не только говорили, но даже
написали в книге, вышедшей под названием "КГБ". Опубликовал

ратрица (немка по национальности, но сделала для империи боль-
ше других русских, а русскими я считаю всех, кто любит Россию),
сказала: "Свободный — это такой человек, который всегда может
делать то, что хочет". И я так считаю!

Я стал свидетелем одной драматической сцены: ректор выставил
из стен академии известного искусствоведа. Этого господина
Глазунов запомнил по давним враждебным статьям, где ему и
студентам мастерской портрета доставалось за отступления от соц-
реализма. Спinoй почувствовал недобрый взгляд, услышав бормота-
нье, Глазунов повернулся в сторону незванного оппонента и громко, с
пафосом сказал, глядя ему в лицо: "Вы наш злейший враг. Но мы ве-
ликодушны! Пусть враги видят нашу победу!" Однако великодушие
иссякло, когда непрощенный гость не без сарказма высказался, что,
мол, на портрете студента "Дягилев не похож..."

— Но вы-то его узнали! Не на Сталина же он похож! — взор-
вался профессор. И показал рукой на дверь.

Недавно сосед, настоятель церкви, сообщил прессе, что Гла-
зунов якобы забором, поставленным вокруг мастерской, не дает
прихожанам совершать крестный ход. И я чуть было не поверил
настоятелю. Но в Девятинском переулке увидел, что святой отец у
порога церкви вырубил деревья и, нарушив благолепие, возвел
капитальный гараж, оставив такой узкий проход в церковный двор,
заставленный машинами, что верующим с хоруговьями придется
шествовать в шеренге по одному. Только дойдя до забора старин-
ной усадьбы, решительно передвинутого художником из уважения
к церкви с исконного места на восток, они могут перестроиться в
колонну, как на демонстрации... Но это уже не анекдот — это, как
теперь пишут, реалии нашей жизни.

...Анекдот про Рокфеллера художник вспомнил во время
встречи с дамой, которую в свое время глядел по головке, а сего-
дня она — президент и генеральный директор набирающей силу и
вес компании. Глазунов ищет встреч с "новыми русскими", канди-
датами в Рокфеллеры, потому что помощи родного государства
катастрофически не хватает.

Наступило лето, время практики, а на поездки студентам
двухсот миллионов рублей нет. Где их взять? Еще задумал, чтобы
преподаватели побывали в Венеции, посмотрели Тициана, Тинто-
ретто, великих венецианцев. И на эту поездку в бюджете не пре-
дусмотрено ни копейки, — но я уверен, что командировка к площа-
ди святого Марка состоится, как состоялось недавно паломниче-
ство преподавателей в Иерусалим. Вот о них-то, о молодых сорат-
никах, никаких анекдотов ректор никому не рассказывает.

А про известных художников, не захотевших учить молодых в
новой академии, рассказывает Глазунов историю, не страшась на-
жить в их лице врагов. Поэтому я узнал, что популярный мэтр тре-
бовал исключать талантливых, но недисциплинированных студен-
тов, опаздывавших по утрам к звонку. Их отчислили — одного, дру-
гого, третьего... Остальные ушли от наставника. Некого стало
учить. Сам же гений не нашел времени, чтобы заполнить анкету
для предоставления в высшую аттестационную комиссию на зва-
ние профессора. "Разве нет у вас моей монографии?" — ответил
он сотрудникам канцелярии, упрасивавших народного художника
СССР выполнить собственноручно необременительную формаль-
ность. Пришлось с ним расстаться.

Распрошались и с другим народным художником, на всех уг-
лах ратующим за святую Русь и дружбу славян. Встречает однаж-
ды Глазунов его в большом возбуждении: